

Заозерский Н. А. Библиография. I. Замечательный труд в науке церковного права: [Рец. на:] Нарбеков В. А., проф. Номоканон Константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Ч. 1. Историко-каноническое исследование. С. I—XIV + 1—249. Казань. Ч. 2. Русский перевод (Номоканона) с предисловием и примечаниями. С. I—X; 1—578 + I—L. Казань, 1899 // Богословский вестник 1899. Т. 3. № 10. С. 342—345 (3-я пагин.).

БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Замѣчательный трудъ въ наукѣ церковнаго права.

(Проф. В. А. Нарбековъ: Номоканонъ Константинопольскаго патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона. Ч. I. Историко-каноническое изслѣдованіе I—XIV+1—249. Казань. Ц. 1 р. 50 к. Ч. II. Русскій переводъ (Номоканона) съ предисловіемъ и примѣчаніями. I—X; 1—578+I—L. Ц. 3 р. Казань. 1899).

Названный ученый трудъ профессора Казанской Духовной Академіи В. А. Нарбекова представляетъ явленіе, наукою церковнаго права давно ожидаемое. По существу своему онъ представляетъ только дополненіе къ давно уже изданному громадному труду Общества любителей духовнаго просвѣщенія подъ заглавіемъ: Правила Св. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ отцовъ съ толкованіями Зонары, Вальсамона и Аристина,—представляетъ переводъ именно первой части цѣлой синтагмы патриарха Фотія—такъ называемаго Номоканона. Общество любителей духовнаго просвѣщенія оставило безъ перевода эту часть синтагмы Фотія, имѣя въ виду прежде всего дать переводъ толкованій *каноновъ* или правилъ Вселенской церкви и отложило на будущее переводъ 1-й части, какъ излагающей императорскіе законы Византіи, имѣющіе въ настоящее время интересъ исключительно *историческій*.

Г. Нарбековъ *единолично* восполнилъ недоконченную задачу Общества и, надобно сказать, обращая вниманіе на существо дѣла, исполнилъ задачу—*самую трудную*. Дѣло въ томъ, что

для перевода Номоканона Фотія недостаточно было знанія только *греческаго* или византійскаго языка, какъ для перевода *правилъ* синтагмы, а нужно было изучить искусственный юридическій—*грекоримскій языкъ* средне вѣковой византіи, которымъ именно и изложенъ тотъ *сводъ* гражданскихъ законовъ касательно церкви, который составляетъ собою *главное* содержаніе Номоканона Фотія и которымъ изложены схолія къ нему Вальсамона.

Г. Нарбековъ давно уже посвятилъ свои силы и свой прилежный трудъ дѣлу этого изученія. Первый опытъ этого изученія онъ представилъ уже 10 лѣтъ тому назадъ въ своей прекрасной диссертациіи подъ заглавіемъ: *Толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія*. Казань. 1889.

Настоящій трудъ свой авторъ издалъ въ двухъ частяхъ: первая—историко-каноническое изслѣдованіе о Номоканонѣ представляетъ собою какъ бы обширныя ученія prolegomena, которыми обычно предваряются ученія изданія. Въ этой части г. Нарбековъ представилъ въ сжатомъ видѣ рѣшительно все дѣльное, что доселѣ ученая литература, иностранная и русская, сказала объ авторахъ Номоканона, о времени первоначальнаго происхожденія его и слѣдовавшихъ за тѣмъ переработкахъ и изданіяхъ его. Характеризируя кратко эту первую часть разсматриваемаго труда мы должны сказать, что почтенный авторъ по вопросу о Номоканонѣ Фотія стоитъ на высотѣ современной науки.

Но главную ученую заслугу автора все таки составляетъ, по нашему мнѣнію, вторая часть его труда—именно русскій переводъ Номоканона.

Переводъ читается не только съ интересомъ, но и прямо съ удовольствіемъ. Да, развѣ не доставитъ удовольствія какому угодно взыскательному читателю верѣнуться въ началѣ *свода* византійскихъ законовъ съ прекрасными русскими стихами, построенными александрійскимъ гекзаметромъ? А переводъ Номоканона начинается именно такъ:

„Точно горящія звѣзды,—зѣницы таинственной ночи,
Къ жизни возникли каноны (Христовыхъ) Апостоловъ
славныхъ

И благодатныхъ Отцовъ прорицанія, полныя славы.

Такъ просіяли, блужданій не вѣдая, путники неба,

Цѣлымъ соборомъ на малыхъ равнинахъ лучи проливая...

Ученый переводчикъ, конечно, не обязанъ быть прилагать труда надъ соблюденіемъ въ своемъ переводѣ даже метрической точности рѣчи подлинника, и если онъ это сдѣлалъ, то сдѣлалъ, конечно, сверхдольное.

Въ интересахъ юридической науки, конечно, на первомъ планѣ стоятъ точность и ясность перевода юридическаго памятника. Этими качествами дѣйствительно и отличается весь переводъ г. Нарбекова, отъ начала до конца. Для сего требовался трудъ громадный и умѣлый. Желая быть точнымъ авторъ долженъ былъ по возможности соблюдать *буквальную* близость къ подлиннику; и онъ дѣйствительно далъ такой буквальный переводъ, но при исполненіи этой задачи автору грозила опасность быть темнымъ, невразумительнымъ. Этой опасности авторъ избѣжалъ при помощи своихъ ученыхъ комментаріевъ которыми усѣяны нижнія страницы его книги. Въ комментаріяхъ нашли себѣ обстоятельное объясненіе всѣ, встрѣчающіеся въ текстѣ, искусственные юридическіе термины и фразы памятника. Авторъ пользовался какъ спеціальными юридическими словарями такъ и курсами и монографіями по грекоримскому праву. Съ особеннымъ удовольствіемъ рецензентъ долженъ отмѣтить здѣсь ту черту въ комментаріяхъ автора, хотя можетъ быть и случайно образовавшуюся, что они составлены почти исключительно по изслѣдованіямъ грекоримскаго права *русскихъ* ученыхъ: въ комментаріяхъ его чаще всего встрѣчаются имена: Богольпова, Муромцева, Побѣдоносцева, Азаревича, Дыдинскаго, Матюкова и т. д. Но комментаріи автора содержатъ и другіе элементы; авторъ тщательно отмѣчаетъ варианты текста, за тѣмъ всюду указываетъ соотвѣтственныя тексту цитаты *Collectio const. ecclesiasticarum*—главнаго источника Номоканона, Василикъ, Синтагмы М. Властаря и иныхъ памятниковъ византійскаго права: наконецъ—что особенно важно—всюду указываетъ параллели цитать Василикъ по схоліямъ Вальсамона и изданію Хеймбаха.

Въ концѣ книги, въ приложеніяхъ, авторомъ представлены указатели первоисточниковъ *Номоканона*, именно юстиніановыхъ институцій, дигестъ, кодекса и новеллъ Юстиніана и первоисточниковъ *схолій* Вальсамона новеллъ византійскихъ императоровъ позднѣйшихъ Юстиніана и постановленій константинопольскихъ патріарховъ и ихъ синодовъ.

Словомъ, вторая часть труда г. Нарбекова, представляетъ въ строгомъ смыслѣ научно комментированное изданіе Номоканона Фотія въ русскомъ переводѣ, сдѣланное при пособіи главнымъ образомъ русскихъ ученыхъ византистовъ. И должно признать, что такъ научно — полно комментированного изданія Номоканонъ Фотія доселѣ не находилъ еще и въ иностранной литературѣ. Такимъ образомъ ученный трудъ г. Нарбекова представляетъ въ собственномъ смыслѣ національный подарокъ или вкладъ въ область Византологіи.

Ближайшимъ образомъ трудъ г. Нарбекова найдетъ себѣ примѣненіе и усердныхъ читателей въ средѣ лицъ, занимающихся изученіемъ каноническаго права православной церкви; и смѣемъ увѣрить почтеннаго профессора, что настоящій трудъ его вызоветъ самое искреннее чувство благодарности за облегченіе пользованія памятникомъ, доселѣ „померченнѣмъ облакомъ мудрости“ средневѣковаго византийскаго языка.

Въ предисловіи ко второй части скромный авторъ говоритъ: „не можемъ не сознаться, что въ переводѣ, нашемъ есть и неточности и шероховатости, можетъ быть найдутся даже и погрѣшности“ (стр. IX). Совершенно согласны съ почтеннымъ авторомъ и уже въ краткое время пользованія его переводомъ успѣли набрести на нѣкоторыя изъ упоминаемыхъ имъ свойствъ его перевода. Напр. авторъ неустойчивъ въ переводѣ слова *Βασιλευς*, которое онъ переводитъ то словомъ „Царь“, то „Императоръ“. Слово *ἀποδημία* (Tit VIII) онъ переводитъ словомъ „путешествіе“; лучше бы перевести словомъ „отлучка“. Слово „*πειρασθή*“ переводитъ фразой „если осмѣлится“, слѣдовало бы перевести: „если сдѣлаетъ покушеніе“. Терминъ *privilegium* вездѣ замѣняетъ русскимъ: „привилегія:“ съ какой стати выросло тутъ лишнее л? На стр. 471 категорически заявляетъ: „Слово: „Томъ“ (*Τόμος*) порусски *собственно* значить—*рѣшеніе*“ Мы вполнѣ увѣрены, что г. Нарбековъ вполнѣ убѣжденъ, что *томъ* порусски *собственно* значить *часть*; а почему не то написалъ—не знаемъ.

Но, конечно, это такія мелочи, которыя не способны ввести въ заблужденіе читателя несвѣдущаго: а свѣдущему доставятъ только поводъ къ нѣкоторой самодѣятельности въ направленіи почтеннаго автора.

Н. Заозерскій.